

ЕЛЕНА ПЕРВУШИНА

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ
ЛЮБВИ РУССКИХ
ПОЭТОВ

РАДОСТИ
И ПЕРЕЖИВАНИЯ,
ИСПЫТАНИЯ И ТРАГЕДИИ...

ЛЮБОВЬ
В ЗОЛОТОМ
ВЕКЕ

Елена Владимировна Первушина
Любовь в Золотом веке.
Удивительные истории
любви русских поэтов.
Радости и переживания,
испытания и трагедии...

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67068294

Любовь в Золотом веке. Удивительные истории любви русских поэтов.

Радости и переживания, испытания и трагедии...: Центрполиграф;

Москва; 2022

ISBN 978-5-227-09716-3

Аннотация

Авторы подвергают своих героев «испытаниям любовью», ставят на пути любящих сердец препятствия, которые надо преодолеть. Но самые трудные препятствия, как правило, скрываются в глубинах душ самих любящих, и именно их победить тяжелее всего. Золотой век русской литературы не имеет четких временных границ. Он «растянулся» на весь XIX век, от первых произведений сентиментализма и романтизма до триумфа реализма. В этот период были написаны гениальные

стихи и поэмы, великие романы и повести. Это и «Бедная Лиза», и «Евгений Онегин», и «Анна Каренина»... Герои их по-разному проходят испытание любовью, но каждый раз результаты этого испытания становятся приговором целому поколению. А в то время, когда писались эти произведения, те же испытания проходили и живые люди. И те из них, кто были писателями или поэтами, оставили нам свои записи, благодаря которым мы узнаем, что они переживали. Возможно, познакомившись с историями любви поэтов Золотого века, кто-то решит, что не все из них заслуживают имени настоящих героев своего времени. Может быть даже, они покажутся слабыми и эгоистичными, а их поэзия – просто красивой ложью. Но литература, а особенно поэзия, очень редко создается ради «положительного примера». Ее задача совсем иная – давать утешение тем, кто страдает, напоминать нам всем, что мы – люди, и поэтому мы можем быть добрее друг к другу и становиться лучше. О пробуждении добрых чувств, и прежде всего чувства любви, и о том, с какими испытаниями сталкивалась любовь в благодатном Золотом веке, и пойдет речь в этой книге.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Елена Первушина
Любовь в Золотом веке.
Удивительные истории
любви русских поэтов.
Радости и переживания,
испытания и трагедии...

© Первушина Е.В., 2022

© «Центрполиграф», 2022

* * *

*Юноша девушку любит,
А ей полюбился другой.
Но тот – не ее, а другую
Назвал своей дорогой.*

*За первого встречного замуж
Та девушка с горя идет,
А юноша тяжело страдает,
Спасенья нигде не найдет.*

*История эта – не новость,
Так было во все времена,*

*Но сердце у вас разобьется,
Коль с вами случится она.*

Предисловие

Золотые сердца Золотого века

Авторы романов любят подвергать своих героев «испытанием любовью», ставить на пути любящих сердец различные препятствия, иногда материальные, которые надо разломать, разрушить, пробить, покорить, чтобы добраться до любимой или любимого. Иногда это препятствия общественные – законы, обычаи, предрассудки, преодолеть которые порой еще сложнее, чем «огонь, воду и медные трубы». Но самые трудные препятствия, как правило, скрываются в глубинах душ самих любящих, и именно их победить тяжелее всего. В любом случае – любовь, это хороший повод героям показать себя, раскрыться перед читателем, преодолеть себя, выйти из испытания новым, лучшим человеком. Или потерпеть фиаско, доказать, что в тебе нет чего-то важного, чего-то вызывающего безотчетное уважение.

Золотой век русской литературы, а вернее «Золотой век нашей словесности» (это выражение употребил П.А. Плетнев в статье «Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах») не имеет четких временных границ. Он «растянулся» на весь период XIX века, от первых произведений сентиментализма и романтизма до триумфа реализма. В этот период были написаны не только гениальные стихи и поэмы, но великие

романы, повести, пьесы о любви, о месте человека в современном ему обществе, и шире – в этом мире, этой вселенной. Это и «Бедная Лиза», и «Горе от ума», «Евгений Онегин», «Герой нашего времени», «Бесприданница» и «Гроза», «Война и мир» и «Анна Каренина», «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв», «Отцы и дети», «Накануне», «Дворянское гнездо», «Ася», «Вешние воды», «Дым», «Новь» и многие, многие другие. Герои их проходят испытание любовью, проходят его по-разному, но каждый раз оно высвечивает их внутреннюю суть, определяет их человеческую ценность, и результаты этого испытания становятся приговором целому поколению.

Но в то время, когда писались эти романы, те же испытания проходили и настоящие, живые люди. И те из них, кто были писателями или поэтами, оставили нам свои произведения, благодаря им мы можем узнать, что они чувствовали, думали, как переживали случившееся с ними, и главное – найти что-то, что окажется созвучным нашим собственным чувствам и мыслям. Возможно, познакомившись с историей любви поэтов Золотого века, кто-то решит, что не все из них заслуживают имени настоящих героев своего времени и образцов для подражания, «золотых сердец своего века». Может быть, даже они покажутся слабыми и эгоистичными, а их поэзия – просто красивой ложью. Но литература, а особенно поэзия, очень редко создается ради «положительного примера». Ее задача совсем иная – давать утешение тем,

кто страдает, кто упрекает себя, кто горько сожалеет о своих ошибках, напоминать нам всем, что мы – люди, и поэтому мы можем быть добрее друг к другу и становиться лучше.

В переводе оды Горация «Памятник» Державин писал, что хотел бы остаться в памяти народной тем, что «дерзнул... с сердечной простотой беседовать о Боге и истину царям с улыбкой говорить». Пушкин же, переводя те же строки, ставил себе в заслугу прежде всего то, что «чувства добрые я лирой пробуждал».

О пробуждении этих чувств, и прежде всего самого сильного из них чувства любви, и о том, с какими испытаниями сталкивалась любовь в благодатном Золотом веке, и пойдет речь в этой книге.

Глава 1

Три музы Державина, или Романтика правдоискательства и семейного счастья

1

Что скорее всего придет в голову человеку, когда он слышит словосочетание «романтическая поэзия»? История несчастной любви. Юноша и девушка любили друг друга, но по каким-то причинам им не суждено быть вместе. Выбор причин довольно большой: семейная вражда, бедность, воля родителей-деспотов, неравенство положения и предрассудки, коварство соперника или соперницы, просто несчастное стечение обстоятельств, разлучившее влюбленных. Или другой «вечный» сюжет – неразделенная любовь, формулу которого виртуозно описал Генрих Гейне:

*Юноша девушку любит,
А ей полюбился другой.
Но тот – не ее, а другую
Назвал своей дорогой.*

*За первого встречного замуж
Та девушка с горя идет,
А юноша тяжело страдает,
Спасенья нигде не найдет.*

*История эта – не новость,
Так было во все времена,
Но сердце у вас разобьется,
Коль с вами случится она.*

Но в любом случае, рассуждая о романтической поэзии, мы чаще всего думаем о первой любви и о молодых людях, способных любить со всем пылом неискушенного сердца. Да и как могло быть иначе?

А если речь заходит о супругах, состоящих в законном браке уже не первый год? Соединению которых ничто не препятствовало, союз которых не нарушает никаких устоев общества и (не побоюсь этого слова) немного буржуазен. Он делает успешную карьеру, она – вьет семейное гнездышко, проявляя рассудительность и деловую хватку. У них много друзей, которые разделяют их интересы и высоко их ценят. И даже «сильные мира сего» вполне благосклонны к нашей паре. Мы можем только порадоваться их счастью, но едва ли найдем в этой истории материал для романтической поэзии. Разве что для эпиталамы – свадебной песни с пожеланиями новобрачным, или идиллии. Жанры почтенные, но немно-

го... скучноватые.

Так что же, романтика непременно умирает под звук свадебных колоколов, или вскоре после свадьбы? Разумеется, нет. И о любви супружеской написаны прекрасные романтические стихи. И с двумя такими историями и поэзией, ими вдохновленной, я и хочу вас познакомить в этой главе.

Почему с двумя? Потому что у нашего героя – Гавриила Романовича Державина, было две жены, и обеим он посвящал стихи. Может быть, эта деталь покажется вам совсем не романтической. В самом деле: мы легко прощаем Ромео его страсть к Розалинде, потому что она кажется нам несколько надуманной. Но что, если Ромео, после смерти Джульетты, не покончил бы с собой, а погоревав некоторое время, снова женился бы и прожил со второй женой длинную счастливую жизнь? Конечно, Шекспир никогда не сделал бы такого Ромео героем своей трагедии. С другой стороны, поэты часто склонны создавать мифы о себе, идеализировать себя и свои переживания и выдавать желаемое за действительное. Иногда они делают это безотчетно, иногда – вполне сознательно, «конструируя» свою биографию и создавая «миф о себе», который остается в веках.

Так был ли Державин искренен, когда писал любовные стихи своей второй жене? А первой? Возможно ли, пережив великую любовь, полюбить снова? Или это будет всего лишь самообманом? Или тот, кто говорит, что любил дважды, на самом деле не любил никогда? Попробуем понять.

В XVIII веке в моде дневники путешественников, автобиографии и мемуары. Эпоха Просвещения призывала человека к освоению внешнего пространства, новых невиданных земель, изучению природы и жизни народов, различных типов устройства человеческого общества. Также она призывала его к познанию «внутреннего космоса» – собственной души и разума, стремлений и желаний, отношений с другими людьми, дружбы и вражды, к поиску внутренней гармонии. Одним из самых скандальных произведений века стала «Исповедь» Руссо. Швейцарский философ, один из кумиров просвещенной Европы, поведал публике то, что рассказывают только священнику: о своих потаенных желаниях, греховных мыслях, искушениях, о внутренней борьбе и противоборстве с обществом. Конечно, не всякий мемуарист XVIII века много времени уделял самоанализу и анализу своего окружения, но всякий стремился объяснить свои мотивы, рассказать, почему он поступил так, а не иначе, и в определенной степени оправдать себя, и главное – своей рукой создать тот портрет, который он хотел бы оставить в памяти потомков.

Мемуары писали не только мужчины, но и женщины. Образованные дамы в XVIII веке считалась «разными, но равными» – они не похожи на мужчин, у них другие характе-

ры, цели в жизни, другие вкусы (тот же Руссо вполне серьезно уверял, что женщинам «свойственно» больше любить молочные продукты, тогда как мужчинам – овощи и мясо). Но и мужчина, и женщина подчиняются одним и тем же религиозным и моральным правилам, и она, и он нуждаются в неустанном размышлении о том, «что такое хорошо и что такое плохо», о том, в чем состоит их долг перед Богом и обществом, перед семьей и близким окружением, и наконец – перед самим собой.

К сожалению, ни первая, ни вторая жена Державина мемуаров не оставили. Поэтому мы можем увидеть их личности только отраженными в памяти тех, которые их знали. В первую очередь – в мемуарах самого Державина.

Гавриил Романович озаглавил свой прозаический труд так: «Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина». Он пишет о себе в третьем лице, что отнюдь не было «мейнстримом» в XVIII веке, а современному читателю, скорее всего, и вовсе покажется странными. Возможно, выбирая для повествования третье лицо, Державин хотел подчеркнуть свою объективность, а возможно, он уже при жизни рассматривал себя как личность историческую, память о которой достойна остаться в вечности. Не случайно, публикуя свое подражание оде «К Мельпомене» Горация, он не постеснялся перечислить свои заслуги и громко объявить, что уверен в своей бессмертии как поэта:

*Так! – весь я не умру, но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.*

*Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,*

*Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкой говорить.*

*О муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой неторопливой
Чело твое зарей бессмертия венчай.*

Возможно, эти слова покажутся вам несколько высокомерными. Но очень трудно оставаться искренним и непредвзятым, когда пишешь свою биографию. Руссо это не удалось, а Державин даже, кажется, и не пытался. «Конструирование биографий» придумано не в XX и даже не в XVIII веке. Вероятнее всего, Державин сознательно создавал миф о себе – поэте от Бога, который своим талантом, а также пря-

мотой и честностью заслужил славу и милость просвещенной императрицы Екатерины, которая в стихотворении зашифрована под именем Фелицы (об этом – чуть позже). Со всем не случайно он начинает рассказ о себе с перечисления всех чинов и наград, которых добился в конце жизни. «Бывший статс-секретарь при императрице Екатерине Второй, сенатор и коммерц-коллегии президент, потом при императоре Павле – член Верховного Совета и государственный казначей, а при императоре Александре – министр юстиции, действительный тайный советник и разных орденов кавалер, Гавриил Романович Державин родился в Казани от благородных родителей, в 1743 году июля 3 числа». Читатель должен с самого начала знать, что у истории будет счастливый конец. Благородный, честный (а Державин многократно будет подчеркивать свою честность, прямоту, неумение льстить и юлить) и одаренный поэтическим талантом герой должен в финале получить достойную награду за все труды. Время непонятых, отвергнутых обществом и гибнущих в одиночестве героев еще не наступило. Оно уже не за горами, но пока в литературных произведениях, и даже в автобиографиях, добро обязательно побеждает зло.

Однако не стоит торопиться и объявлять Державина «русским бароном Мюнхгаузеном». В основе его автобиографии все же лежит правдивая история. И эта история сама по себе удивительна.

Несмотря на недвусмысленное заявление поэта о том, что его родиной является Казань, не все историки в этом уверены. В книге «Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота», изданной в Петербурге в 1865 году, мы читаем: «Державин родился в Казани (собственно в казанской деревне, верстах в 40 от города) 3 июля 1743 года», но ни названия деревни, ни каких-либо ссылок на источник этой информации комментатор не приводит. А в 2003 году историк и биограф Державина Юрий Фролов нашел в библиотеке Казанского государственного университета рукописный текст, озаглавленный «Сельцо Покровское Кудышь, Сокуры тожь». Анонимный автор текста отмечал, что «около 1745 года... владельцем сельца Сокуров является Роман Николаевич Державин и даже сельцо Сокуры оспаривает у соседственной с нею деревни Кармачи славу места рождения сына этого помещика, знаменитого русского поэта Гавриила Романовича Державина. Во всяком случае достоверно, что в сельце Сокурах провел детские лета свой бессмертный певец Фелицы, а впоследствии по смерти отца Гавриил Романович сделался владельцем этого сельца...».

Отметим однако, что отец Державина действительно владел также домом в самом центре Казани, на Большой Проломной улице (ныне пешеходная улица Баумана), и ничто не

мешало Фекле Андреевне перебраться туда перед родами. Дом этот сгорел еще в XVIII веке.

В конце концов не так уж важно, в какой именно географической точке Казанской губернии родился «бессмертный певец Фелицы». Но примечательно то, что в автобиографии вы не найдете прочувствованных описаний родной деревни, старого усадебного дома, любимых уголков природы. Моду на «естественное воспитание» в гармонии с природой ввел в культуру все тот же Жан-Жак Руссо, но в России апеллировать к ней стали, пожалуй, только в начале XIX века. Державин – истинный сын века XVIII, напротив, всячески подчеркивает свою связь в ближайшим очагом культуры – Казанью.

В стихотворении «Арфа», написанном около 1798 года, поэт признается:

*Как весело внимать, когда с тобой она
Поет про родину, отечество драгое,
И возвещает мне, как там цветет весна,
Как время катится в Казани золотое!*

*О колыбель моих первоначальных дней!
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освещусь опять твоей зарей
И твой по-прежнему всегдашний буду житель?*

*Когда наследственны стада я буду зреть,
Вас, дубы камские, от времени почтенны!*

*По Волге между сел на парусах лететь
И гробы обнимать родителей священные?*

А в 1815 году, менее чем за год до кончины, он писал казанскому профессору красноречия, стихотворства и языка русского Г.Н. Городчанинову: «Казань, мой отечественный град, с лучшими училищами словесности сравнится и заслужит, как Афины, бессмертную себе славу...». Правда, университет основали только в 1804 году, но еще 1758 году, когда Державину, как раз исполнилось 15 лет, в городе под патронажем Московского университета открыли гимназию (третью в России после Петербургской и Московской). И он еще будет в ней учиться, и эта учеба, продолжавшаяся, впрочем, всего два года, причем, по словам самого Державина, в гимназии «учили вере – без катехизиса, языку – без грамматики, числам и измерениям – без доказательств, музыке – без нот». Тем не менее учеба в гимназии сильно повлияет на дальнейшую жизнь нашего героя (подробнее об этом – далее).

Процитированная ранее «Арфа» уже в полной мере принадлежит эпохе Романтизма, в нем появляются и «наследственные стада» (не хватает только «младых пастушек» и буколических пастушков со свирелями) и «дубы камские от времени почтенны», и села по берегам Волги, мимо которых летит челн, и священные могилы предков.

Но в прозаической своей биографии Державин отмеча-

ет совсем другое, в полном соответствии с эстетикой XVIII века, он обращает внимание на необыкновенные способности своего героя, проявившиеся еще в детстве и предвещавшие его великую судьбу: «Примечания достойно, что когда в 1744 году явилась большая, весьма известная ученому свету комета, то при первом на нее воззрении младенец, указывая на нее перстом, первое слово выговорил: „Бог!“ ... на четвертом году уже умел читать».

4

Отец Державина был бедным дворянином, но отнюдь не худородным. Семья его числила среди своих предков некоего мурзу Багрима, который еще в XV веке уехал из Большой Орды на службу в Москву к великому князю Василию Темному. Великий князь лично окрестил Багрима, а впоследствии за хорошую службу наградил землями. Мурза оказался плодовит, как и его потомки, и Державины могли называть своей родней дворян Нарбековых, Акинфовых, Теглевых. Но в результате постоянных разделов земель между братьями Роману Николаевичу досталось лишь несколько клочков с деревеньками, к тому же разбросанных по различным уездам.

Как и многим семьям военнослужащих, Державиным часто приходилось переезжать. Гавриил Романович вспоминает города, где они жили: Яранск, Ставрополь, Оренбург. В

семь лет ему, как и прочим дворянским недорослям, достигшим этого возраста, пришло время держать первый экзамен. Правило это установил еще Петр I, и результаты экзамена определяли судьбу мальчика еще на семь лет, а отчасти – всю его дальнейшую жизнь. Точнее, не только сами результаты, сколько решение, принятое родителями после. Мальчика, отлично сдавшего экзамен, могли зачислить в один из кадетских корпусов, из которого он вышел бы с военным образованием и смог бы начать службу офицером. Державин писал, что «получил охоту к инженерству», наблюдая за тем, как его отец проводит геодезическую съемку. Но для поездки в Петербург и зачисления в корпус нужны деньги, а семья была совсем не богата: «...отец его имел за собою, по разделу с пятерыми братьями, крестьян только 10 душ, а мать 50». Основной источник денег – жалование отца, но он вскоре умер, и «таким образом мать осталась с двумя сыновьями и с дочерью одного году в крайнем сиротстве и бедности; ибо, по бытности в службе, самомалейшие деревни, и те в разных губерниях по клочкам разбросанные, будучи неустроенными, никакого дохода не приносили, что даже 15 руб. долгу, после отца оставшегося, заплатить нечем было; притом соседи иные прикосновенные к ним земли отняли, а другие, построив мельницы, остальные луга потопили».

Пытаясь сохранить хотя бы остатки имущества, мать начинает тяжбу с соседями, и юному Державину волей-неволей приходится принимать в ней участие: «...для того мать,

чтоб какое где-нибудь отыскать правосудие, должна была с малыми своими сыновьями ходить по судьям, стоять у них в передних у дверей по нескольку часов, дожидаясь их выхода; но когда выходили, то не хотел никто выслушать ее порядочно, но все с жестокосердием ее проходили мимо, и она должна была ни с чем возвращаться домой со слезами, в крайней горести и печали... Таковое страдание матери от неправосудия вечно осталось запечатленным на его сердце, и он, будучи потом в высоких достоинствах, не мог сносить равнодушно неправды и притеснения вдов и сирот».

Где же учился будущий поэт? Сначала – в частном немецком пансионе. Однако под этим громким названием на самом деле скрывалась школа, организованная на скорую руку неким немцем, сосланным в Оренбург на каторжные работы. «Сей наставник, кроме того, что нравов развращенных, жесток, наказывал своих учеников самыми мучительными, но даже и неблагопристойными штрафами, о коих рассказывать здесь было бы отвратительно, был сам невежда, не знал даже грамматических правил, а для того и упражнял только детей тверждением наизусть вокабул и разговоров и списыванием оных, его рукою прекрасно однако писанных».

После такой «дошкольной подготовки» Державин смог, однако, поступить в Казанскую гимназию. Он поступил туда, как уже было сказано ранее, в пятнадцатилетнем возрасте и проучился в ней два с половиной года. В мемуарах он не забывает отметить: «Старший из Державиных оказал

более способности к наукам до воображения касающимся». И здесь ему улыбнулась удача. Однажды директор гимназии представил работы Державина и других лучших учеников главному куратору гимназии – самому Ивану Ивановичу Шувалову, фавориту императрицы Елизаветы Петровны, известному меценату, покровителю Ломоносова и других ученых и людей искусства.

Шувалов похлопотал за талантливых провинциалов, записав их в различные гвардейские полки – в елизаветинские времена служба в гвардии была превосходным началом карьеры для молодого человека. Державин, исполняя волю отца, просил зачислить его в Инженерный корпус, однако, по всей видимости, в канцелярии перепутали бумаги, и в 1762 году восемнадцатилетний юноша получил предписание явиться на службу в лейб-гвардии Преображенский полк.

Служба в этом полку весьма почетна, так как полк, наряду с Семеновским и Измайловским, был одним из старейших, сформированных из тех самых «потешных ребят», что служили Петру еще в годы его юности. Свое название полк получил от подмосковного села Преображенское, где жила царица Наталья Кирилловна со своим юным сыном. Однако обмундирование нужно было «справлять» за свой счет. Когда-то отцу Державина предлагали вступить в один из гвардейских полков, но он отказался, как раз из-за недостатка средств. Теперь же у его сына выбора не осталось.

Так как Державин не учился в Шляхетском корпусе и не

был записан в армию при рождении, как многие его сверстники, ему пришлось начинать службу рядовым и отслужить полный двенадцатилетний срок. Эти годы Державин позже называл своей «академией нужд и терпения». Денег постоянно не хватало, он добывал средства к жизни игрой в карты. «Когда же не на что было не только играть, но и жить-то, запершись дома, ел хлеб с водою и марал стихи при слабом свете полушечной сальной свечки или при сиянии солнечном сквозь щелки затворенных ставень».

В 1762 году великая княгиня Екатерина Алексеевна решила отстранить от престола своего мужа и заняла трон. Державин правильно выбрал сторону, и оказался в числе тех гвардейцев, что поддержали молодую императрицу. (Да и как было не поддержать ее, если она выехала перед полком в преображенском мундире, на белом коне с обнаженной шпагой в руках!) Интересно, что в своей биографии Державин никак не объясняет, что побудило его изменить законному императору и присягнуть его жене-узурпаторше. Кажется, тогда, в 1762 году, он, особенно не размышляя о легитимности власти Екатерины, просто шел вслед за всеми, что, конечно, было самой разумной стратегией в его положении. Но даже на склоне лет, в либеральную эпоху правления Александра I, когда о Петре III и его печальной кончине уже можно было говорить, Державин ни одним словом не обмолвился об этой «династической коллизии», несмотря на все свое декларируемое правдолюбие. Он мог бы сослаться на то, что

уже тогда увидел в Екатерине просвещенную монархиню, которая могла бы принести много блага России, но он этого не делает. Только описывает, как отправился в Москву на коронацию новой государыни: «...будучи в мундире Преображенском, на голстинский манер кургузом, с золотыми петлицами, с желтым камзолом и таковыми же штанами сделанном, с прусскою претолстою косою, дугою выгнутою, и пуклями, как грибы подле ушей торчащими, из густой сальной помады слепленными, щеголял пред московскими жителями, которым такой необыкновенный или, лучше, странный наряд казался весьма чудесным». И рассказывает, что иногда, когда императрица шла в Кремлевский дворец на заседания Сената, удаивался чести поцеловать ее руку, «ни мало не помышляя, что будет со временем ее статс-секретарь и сенатор». Особых услуг государыне он тогда не оказал и особых дивидендов это ему не принесло, но, по крайней мере, в опалу он не попал. Но только в 1772 году Державина производят в офицеры.

5

Таким образом, покровительство Шувалова принесло Державину новые проблемы, и скоро он уже готов пойти на все, чтобы вырваться из столицы, куда так стремился. Но он молод и решителен и свято верил в свою счастливую звезду, а поэтому ухватился за первый же шанс изменить свою судь-

бу, хотя этот шанс показался бы другому чистым безумием. Вы помните сюжет «Капитанской дочки» Пушкина? Петруша Гринев, хоть и был записан еще до рождения в Семеновский полк, отправился служить в дальнюю степную крепость по воле отца, чтобы «потянуть ляжку, да понюхать пороху», а не учился в столице «мотать да повесничать». Но в водоворот Пугачевского бунта он попал нечаянно. А вот Державин в 1773 году обращается к командующему войсками генералу А.И. Бибикову и предлагает свои услуги, добавив, что хорошо знает места вокруг Казани, где шли тогда военные действия. Бибиков исполнил его просьбу, и Державин отправился на войну. Тут, разумеется, тоже не обошлось без приключений. Державин ездил с секретными поручениями в Симбирск, Самару и Саратов, собирал ополчение и провиант, преследовал киргизов во главе отряда из двадцати пяти гусар и семисот им же поставленных под ружье ополченцев – словом, проявил недюжинную храбрость и смекалку. Однако военная карьера едва не закончилась для него катастрофой. Державин был не только храбр и решителен, но еще и вспыльчив, да и не склонен к лести. В результате интриг сослуживцев он попал под суд. Ему удалось оправдаться, но никакой награды за службу он не получил. В 1775 году Державин возвращается в Петербург и снова, как в детстве, начинает обходить приемные вельмож и сановников. Унизительно выпрашивать награды, которые ты заслужил, рискуя собственной жизнью, но деньги нужны как никогда: в его

оренбургских имениях стоявшие на постое солдаты забрали весь хлеб и «разорили крестьян до основания». Державин должен любой ценой найти деньги, чтобы поддержать свою семью. Хождение по приемным длится без малого два года. Наконец ему удастся добыть кое-что – императрица жалуется ему 300 душ крестьян в Белоруссии, игра в карты приносит 40 000 рублей. Угроза разорения отодвинута. Державин рассчитывает продолжить военную карьеру, однако в результате новых интриг его увольняют в штатскую службу в чине коллежского советника с приказом подыскать «место по способностям».

Но «понюхавший пороху» юноша все так же уверен в себе, амбициозен и готов драться за свое счастье со всем миром. И тогда он встречает ту, что покорила его сердце, – темно-волосую и черноглазую красавицу Екатерину Бастидон.

6

Юный Петр, племянник Елизаветы (сын ее старшей сестры Анны и герцога Голштинского), был вызван из родной Голштинии сразу же после того, как Елизавета взошла на престол, и провозглашен ее наследником. Будущий отец невесты Державина, португалец по происхождению, приехал в Россию в свите Петра. Здесь он встретил весьма почтенную даму – Матрону Дмитриеву, которая была назначена кормилицей юного великого князя Павла, сына Петра Федоровича

и Екатерины Алексеевны. После смерти первого мужа, Матрена вышла замуж за Бастидона, и у них родилась дочь Екатерина.

С портрета Владимира Боровиковского на нас глядит лицо, черты которого несколько неправильны, но полны внутренней энергии. Прямой взгляд темных глаз, нос с горбинкой, высокие темные брови. Лицо округлое, но тем не менее не кажется ни мягким, ни безвольным. Его не украшает и любезная, льстивая улыбка. Дама не кокетничает, не лукавит, а напротив, испытующе смотрит на зрителя. Она уверена в себе. Такой увидел Екатерину Яковлевну художник, но это было уже в последние годы ее жизни. А какой была она при первой встрече с будущим мужем?

Если верить мемуарам Державина, это была любовь с первого взгляда. Гавриил Романович увидел свою суженую, когда разъезжал с визитами, и сразу понял, что она – «та самая». «Уже был вечер. При самом входе в покой встречается с ним бывшая кормилица великого князя Павла Петровича, который был после императором, г-жа Бастидон с дочерью своею, девицею лет 17, поразительной для него красоты; а как он ее видел в первый раз в доме господина Козодавлева, и тогда она уже ему понравилась, но только примечал некоторую бледность в лице, а потом в другой раз в театре неожиданно она его изумила; то тут в третий раз, когда она остановилась в передней с матерью, ожидая, когда подадут карету, не вытерпел уже он и сказал разговаривавшему

с ним Резанову о том, зачем приехал, что он на сей девушке, когда она пойдет за него, женится... Разговор кончился; мать с дочерью уехали, но последняя осталась неисходною в сердце».

Г.Р. Державин

Е.Я. Бастидон

Действительно ли это был «удар молнии», или рассчитанный шаг, еще одна попытка выбиться из безликой толпы, замирающей в ожидании милостей от сильных мира сего?

Державин недавно уволился с военной службы, и «случай», протекция, покровительство нужны были ему как воздух. Он без обиняков пишет в мемуарах: «Очутясь в статской службе, должно было искать знакомства между знатными людьми, могущими доставить место в оной». Правда Бастидоны не были в фаворе у новой императрицы. И конечно, даже расчеты не исключают, что девушка могла действительно понравиться Гавриилу Романовичу, поразить его своей красотой. Судя по ее портретам, внешность ее была весьма яркой и запоминающейся, а Державин, как никак – поэт! Он отметил, что девушка скромна и благородна, «так что при малейшем пристальном на нее незнакомом взгляде лицо ее покрывалось милою, розовою стыдливостию», и сразу придумал ей поэтическое прозвище – Пленира.

При более близком знакомстве влюбленный поэт отмечает, что «дочь не без ума и не без ловкости, приятная в обращении, а потому она и не по одному прелестному виду, но и по здравому рассуждению ему понравилась, а более еще тем, что сидела за работою и не была ни минуты праздною, как другие ее сестры непрестанно говорят, хохочут, кого-либо пересуживают, желая показать остроту свою и умение жить в большом свете. Словом, он думал, что ежели на ней женится, то будет счастливым».

Удивительнее другое – то, что мать (отец Екатерины к тому времени уже умер) отдала дочь за молодого человека с весьма стесненными средствами, невысоким положением и неопределенным будущим. Понравился ли он ей своей энергией и решительностью? Или, наоборот, – ловкостью и обходительностью? Разглядела ли она в нем некий потенциал? Кто знает...

Однако брак этот свершился не прежде, чем его одобрил сам молочный брат невесты. «Мать с первого разу не могла решиться, а просила несколько дней сроку, по обыкновению расспросить о женихе у своих приятелей, – пишет Державин. – Экзекутор второго департамента Сената Иван Васильевич Яворский был также короткий приятель дому Бастидоновых. Жених, увидясь с ним в сем правительстве, просил и его подкрепить свое предложение, от которого и получил обещание; а между тем, как мать расспрашивала, Яворский собирался с своей стороны ехать к матери и дочери, дабы уговорить их на согласие. Жених, проезжая мимо их дому, увидел под окошком сидящую невесту и, имея позволение навещать их, решился заехать. Вошедши в комнату, нашел ее одну, хотел узнать собственно ее мысли в рассуждении его, почитая для себя недостаточным пользоваться одним согласием матери. А для того, подошедши, поцеловал по обыкновению руку и сел подле нее. Потом, не упуская времени, спросил, известна ли она чрез Кириллова о искании его? „Ма-тушка мне сказывала“, – она отвечала. – „Что она думает?“

– „От нее зависит“. – „Но если бы от вас, могу ли я надеяться?“ – „Вы мне не противны“, – сказала красавица вполголоса, покрасневшись. Тогда жених, бросаясь на колени, целовал ее руку. Между тем Яворский входит в двери, удивляется и говорит: „Ба, ба! и без меня дело обошлось! Где матушка?“ – „Она, – отвечала невеста, – поехала разведать о Гавриле Романовиче“. – „О чем разведывать? Я его знаю, да и вы, как вижу, решились в его пользу; то, кажется, дело и сделано“. Приехала мать, и сделали помолвку, но на стовор настоящий еще она не осмелилась решиться без соизволения его высочества наследника великого князя, которого почитала дочери отцом и своим сыном. Через несколько дней дала знать, что государь великий князь жениха велел к себе представить. Ласково наедине принял в кабинете мать и зятя, обещав хорошее приданое, как скоро в силах будет. Скоро, по прошествии великого поста, то есть 18-го апреля 1778 года, совершен брак».

Державин с Екатериной Яковлевной обвенчались в церкви Вознесения Господня на Екатерининском канале. Невесте было 18 лет, жениху – 35. Вполне обычная разница в возрасте для XVIII века, когда девушек могли выдавать замуж довольно рано, а вот мужчины предпочитали жениться уже «перебесившись». Сейчас она не кажется существенной, но лет через пятнадцать (если супруги доживут до этой даты), мы можем увидеть женщину в расцвете красоты и стареющего мужчину – «диспозиция», столь любимая авторами, как

комедий, так и трагедий.

7

Будучи молодым человеком, Державин уже несколько раз переживал увлечения, и он подробно описывает их в мемуарах, при этом выставляя себя в весьма комической роли. Да и на что мог рассчитывать молодой человек, не имевший ни офицерского чина, ни достаточного состояния? В лучшем случае – лишь на короткую интрижку. Постепенно, однако, его холостая жизнь все же несколько упорядочилась: «...имел любовную связь с одною хороших нравов и благородного поведения дамою и, как был очень к ней привязан, а она не отпускала его от себя уклониться в дурное знакомство, то и исправил он помалу свое поведение, обращайся, между тем, где случай дозволял, с честными людьми и в игре, по необходимости для прожитку, но благопристойно».

Одно время планировался его брак с княжной Екатериной Сергеевной Урусовой, двоюродной сестрой М.М. Хераскова, одной из первых русских поэтесс. Но что-то в этой партии не устроило Державина, и он свел сватовство к шутке: «...она пишет стихи, да и я мараю, то мы все забудем, что и щей сварить некому будет». Урусова позже так и не вышла замуж, видимо, никто не решился связать свою судьбу с поэтессой. Впрочем, с поэтом, а позже – с его женой она оставалась в хороших отношениях, Урусова принимала участие

во встречах общества «Беседы любителей русской словесности». Кажется, Екатерина Сергеевна не держала на Державина обиды.

Едва ли 17-летняя Екатерина Бастидон знала подробности о личной жизни суженого, да и вообще мало что знала о человеке, с которым пошла под венец, и едва ли понимала, с кем предстоит ей разделять судьбу. Державин мог вскружить ей голову своими мадригалами, которые, он, разумеется, писал с большой охотой. Например, таким:

*Хотел бы похвалить, но чем начать, не знаю.
Как роза, ты нежна; как ангел, хороша;
Приятна, как любовь; любезна, как душа,
Ты лучше всех похвал, – тебя я обожаю...*

и т. д.

Но это лишь дежурные комплименты, хотя, возможно, и продиктованные искренними чувствами. Жизненный опыт их был слишком разным: мирная жизнь в Петербурге, под крылом родителей, и полная опасностей и превратностей судьба человека, который «делал себя сам», потому что у него не оставалось другого выбора – или вскакивай на «колесо Фортуны», или умри. Они казались пришельцами из разных миров. Из этой несхожести могла родиться страсть, но родятся ли из нее настоящая близость, которую в XVIII веке искали в семейном кругу, но не слишком часто находили?

Сенат, создававшийся как высший государственный орган законодательной, исполнительной и судебной власти Российской империи, только что прошел через реформу, задуманную молодой императрицей, потерял свои законодательные функции и был разделен на департаменты. В 1778 году Державину нашлось там место, он попал в Первый департамент, занимавшийся внутренними и политическими делами, Гавриилу Романовичу сыскалась должность экзекутора. За этим страшно звучащим названием скрывалась довольно мирная и скучная деятельность. Экзекутор был вовсе не палачом, а (согласно Энциклопедическому словарю Брокгауза и Эфрона) «чиновником при канцелярии, заведующим хозяйственной частью». Державин вспоминает, что «в 1779 году перестроен был под смотрением его Сенат, а особливо зала общего собрания, украшенная червлёным бархатным занавесом с золотыми франжами и кистями и лепными барельефами». Барельефы сделаны по эскизам скульптора Ж.-Д. Рашетта, особенно Державин отмечает фигуру Истины, «нагая, и стоял тот барельеф к лицу сенаторов, присутствующих за столом; то когда изготовлена была та зала и генерал-прокурор князь Вяземский осматривал оную, то, увидев обнаженную Истину, сказал экзекутору: „Вели ее, брат, несколько прикрыть“. И подлинно, с тех почти пор стали отчасти

более прикрывать правду в правительстве».

При должном прилежании, но без протекции, молодой экзекутор мог рассчитывать на неторопливую карьеру, и на смертном одре вспоминать, как «славы, денег и чинов, спокойно в очередь добился». Сейчас его положение уже устойчиво. Он имеет чин коллежского советника, относящийся к VI классу «Табели о рангах», соответствующий чину полковника, к нему надлежит обращаться «Ваше высокоблагородие». Следующий шаг – чин статского советника, и обращение – «Ваше высочородие», его он получает в 1782 году. Следующий шаг – чин действительного тайного советника, и титул «Ваше превосходительство».

Но Державин – слишком амбициозен, чтобы пойти длинным путем, и он решается на еще одну авантюру.

9

В 1782 году императрице Екатерине – пятьдесят три года, она уже двадцать лет на престоле, и пять лет, как бабушка. Когда-то императрица Елизавета не дала невестке понять единственного сына – отобрала его и растила при Дворе.

Возможно, именно поэтому отношения Екатерины и Павла так и не наладились – юная великая княгиня боялась полюбить то, что у нее могут отнять, и решила, что даже выросший Павел так навсегда и остался в стане ее недругов – Ели-

заветы и Петра III. Теперь же никто не мог отобрать у Екатерины то, что она считала важным. Она забрала у нелюбимого, «неудачного» Павла двух сыновей и решила вырастить из них (особенно из старшего – Александра) идеальных правителей, разумеется, не на манер Макиавелли, но на манер Руссо. Державин уже тогда угадал ход мыслей государыни. Он написал оду «Стихов на рождение в Севере порфирородного отрока», которая рассказывала, как все добрые гении приносят дары новорожденному Александру. Ода завершилась такими словами:

*И последний добродетель,
В сердце вкладывая рёк:
Будь ты чувств своих владетель,
Будь на троне человек!*

Екатерина мечтала вырастить из Александра государя нового образца: просвещенного, образованного, правящего Великой империей. Она с детства закаляла его, следила за тем, чтобы он не рос неженкой, и писала для него сказки. Самой знаменитой из них стала написанная в 1781 году «Сказка о царевиче Хлоре»: представляла собой волшебное путешествие юного царевича (имя Хлор означает «зеленый» – т. е. «незрелый») за Розой без шипов, которая символизирует добродетель. В пути Хлор встречает то добродетельных земледельцев, то коварного мурзу Лентяг, то беспутных вольтыжников, и из каждой встречи извлекает урок. В пути ему

помогают Рассудок, Честность и Правда. Одна из главных героинь сказки – мудрая царица Киргиз-Кайсацкой орды по имени Фелица (счастливая). Она давала царевичу советы и провожатого – своего сына по имени Рассудок. Без ее помощи царевичу Хлору не удалось бы достичь цели.

Верная себе, императрица не упускает случая сделать из личных отношений политическое шоу. Она щедро раздает экземпляры придворным и приближенным, и санкционирует постройку в Павловске, как сказали бы сейчас, «тематического парка», посвященного сюжету сказки: несколько павильонов – домиков героев этой истории, и извилистая тропинка, по которой внуки могли путешествовать и подняться в конце на холм, где и стоял храм Розы без шипов. Сказка издавалась в 1781, 1782 и 1783 годах, причем в последний раз, по распоряжению директора Императорской Академии наук и бывшей задушевной подруги императрицы Екатерины Романовны Дашковой, «Сказка...» вышла, как на русском языке (800 экземпляров), так и особым тиражом «с приобщением греческого перевода» (еще 400 экземпляров). Вероятно, это были следы «Греческого проекта» Екатерины – введения русского протектората над православным греческим населением Эгейского архипелага. Императрица спешила просветить не только русских детей, но и отпрысков своих будущих греческих подданных.

Еще в 1762 году Ломоносов писал: «Наука ныне торжествует, взошла Миневра на престол». Действительно срав-

нение новой императрицы с Миневрой напрашивалось, но именно поэтому оно было банальным. Ломоносов, много раз воспевавший другую императрицу – Елизавету Петровну, в таких строках: «Цвет в очах ее небесной, / Как Минервин, покажи, / И Венерин взор прелестной, / С тихим пламенем вложи», – решил не искать новых сравнений. Что было хорошо для одной императрицы, сойдет и для другой.

Но Державин уловил, что именно в образе Фелицы, которая не только была мудра, но и «была нрава веселаго и весьма любезна, Екатерина хотела бы предстать перед своими образованными соплеменниками и перед просвещенной Европой. Ей не хотелось вставать на котурны и вызывать трепет. Она хотела быть правительницей нового типа – разумной и решительной, но одновременно веселой и ласковой, не завоевывающей, а пленяющей. Разумеется, Гавриил Романович не знал, что в тайных своих записках Екатерина неоднократно подчеркивала, что умение соединить «мужской ум» с «женской приятностью в общении» позволило ей стать русской императрицей, но он безошибочно угадал, в каком образе хотела увековечить себя Екатерина.

И Державин создает «Оду к премудрой Киргиз-Кайсацкой царевне Фелице, написанная Татарским Мурзою, издавна поселившимся в Москве, а живущим по делам своим в Санкт-Петербурге». И помечает ее: «Переведена с арабского языка 1782 года», намекая, что он разгадал игру императрицы и готов принять в ней участие. Причем, это игра чудесно

балансирует на грани правды и вымысла. Мы помним, что Державин – потомок знатного татарина – мурзы Багрима.

В первых строках он обращается к своей повелительнице:

*Богopodobная царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высокоу гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает:
Она мой дух и ум пленяет,
Подай, найти ее совет.*

Ломоносов подписывал свои оды императрицам – «все-подданнейший раб». Державин знает, что правила игры уже изменились. Императрица хочет, чтобы к ней обращались по-дружески. Конечно, с почтением, но без раболепства. Того требует этика эпохи Просвещения. И теперь Державину снова удастся найти правильный тон.

Разумеется, ода полна похвал, этого требует сама форма и здравый смысл. Но за что Державин хвалит Фелицу?

*Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;*

*Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишишь пред налоем
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.*

Так Державин наравне с Фелицей становится героем оды. Или скорее – антигероем, потому что открыто кается во всех грехах и слабостях, которые, разумеется, только подчеркивают добродетели «богоподобной царицы». И разумеется, добродетели именно те, которые предписывал образованному и благородному человеку век Просвещения, – разумность, умеренность, скромность, начитанность, удаление от «мирской суеты», стремление предаться размышлениям о сути вещей и зафиксировать их письменно. «Легенда» Екатерины состояла в том, что ее муж Петр III, хотя и «природный» правитель, но был развращен (разумеется Елизаветой) и недостойн занимать трон, так как не мог принести счастья своим подданным. Тогда как Екатерина благодаря знакомству с трудами просветителей и неустанной работе над собой «воспитала» из себя идеальную монархиню, которая просто обязана была спасти Россию от глупого деспотизма Петра Федоровича. Ода Державина поддерживала этот миф, и Фелица не могла не оценить этого.

В своем же самоуничижении Державин необычно смел и откровенен:

*Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой,
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки ре́звимся порой;
То в свайку с нею веселюся,
То ею в голове ищущя;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю,
Полкана и Бову читаю;
За Библией, зевая, сплю.*

Конечно, это едва ли «зарисовка с натуры». Державин создает обобщенный образ глупого и развращенного дворянина, этакого Митрофанушки, который подрос и перебрался в Петербург, но остался тем же неучем. Просто критиковать самого себя проще и безобиднее, чем даже обобщенный образ развращенного дворянина. Надо думать, Екатерина прекрасно поняла и оценила, не только «политически верный» панегирик, но и скрытую иронию, опять-таки «бьющую в точку». Иронию и сатиру она любила, недаром писала комедии, бичующие пороки людей, и ставила их в Эрмитажном театре, а также анонимно издавала сатирический журнал «Всякая всячина».

Но как передать послание адресату? На помощь приходит сосед – Осип Петрович Козодавлев, советник Екатерины Романовны Дашковой. Он якобы «случайно» увидел оду у

Державина, попросил посмотреть, обещая никому не показывать, но показал Ивану Ивановичу Шувалову и Екатерине Романовне, а та – самой императрице.

«Фелица» быстро распространялась в списках, «у каждого читать по-русски умеющего очутилась она в руках», – свидетельствует современник, и, конечно, Екатерина осталась этим довольна. В награду за оду Державин получил от своей Фелицы золотую табакерку, усыпанную бриллиантами. Но как всегда, за высокой наградой тут же последовали служебные неприятности, его непосредственный начальник, генерал-прокурор князь Александр Алексеевич Вяземский (разумеется, не друг Пушкина – князь Петр Алексеевич Вяземский даже не прямой его предок), попытался «спрятать» около 8 000 000 рублей государственного дохода, но Державин, опираясь на «букву» закона, сумел добиться составления нового бюджета. Так он отстоял правду, но потерял место.

Гавриил Романович пишет об августейшей милости без всякого смущения: он был честен, воспевая добродетели Фелицы, а Фелица (в отличие от Вяземского) достаточно разумна, чтобы оценить похвалу без лести, и найти применение такому человеку: «А как императрица знала его сколько по сочинениям, столько и по ревностной службе его в минувшем мятеже и в экспедиции, что он обнаружил прямо государственный доход, то высочайше и подтвердила доклад Сената 15-го февраля 1784 года, отозвавшись по выслушании оно́го графу Безбородко: „Скажите ему, что я его имею

на замечании. Пусть теперь отдохнет; а как надобно будет, то я его позову“».

Надобность возникла менее чем через полгода. Уже в мае 1784 года Державина назначили губернатором Олонецкой губернии, и он отправился в Петрозаводск. По свидетельству Гавриила Романовича, его бывший начальник отозвался об этом назначении так: «Генерал-прокурор, получив его, сказал любимцам своим, около его стоящим, завидующим счастием их сотоварища, что разве по его носу полезут черви, нежели Державин просидит долго губернатором».

10

Сейчас Петрозаводск – столица Карелии, тихий и красивый город в нескольких часах езды от Санкт-Петербурга, город, где есть и университет, и театры, и музеи. В XVIII веке Петрозаводск являлся форпостом России среди бескрайних лесов, населенных саамами и лопарями. Жизнь там была сродни жизни первых поселенцев в Америке. Остается только восхититься терпением и мужеством Екатерины Яковлевны, которая отправилась туда вслед за мужем и буквально с нуля наладила домашнее хозяйство так, чтобы Державин ни в чем не терпел нужды и мог сосредоточиться на работе.

А работы, разумеется, оказалось немало. Гавриил Романович оказался первым губернатором новообразованной губернии. Она была создана в 1784 году, одной из последних

в ходе губернской реформы Екатерины, пытавшейся упорядочить жизнь провинциальной России. Олонецкая губерния вместе с Архангельской образовала наместничество во главе с генерал-губернатором Т.И. Тутолминым, ставшим непосредственным начальником Г.Р. Державина.

Петрозаводск (названный так по Петровскому медеплавильному заводу и Петровской мануфактуре – будущему Александровскому пушечному заводу) был, по сути, единственным крупным городом (статус города получил 21 марта 1777 г.). Кроме него, имелось еще четыре уездных города (Олонец, Каргополь, Повенец и Вытегра), мало чем отличающиеся от больших деревень. Так как в Петрозаводске жили в основном купцы, мещане и рабочие заводов, в канцелярии губернатора работали порой дети и подростки – так высок был дефицит грамотных людей.

Город был сплошь застроен деревянными домами, улицы немощеные и неосвещенные, не было ни больниц, ни училищ, ни, разумеется, библиотек и театра (первой крупной частной библиотекой в городе стала библиотека самого Державина, которую он перевез из столицы, она к тому времени уже насчитывала более 3000 томов книг и журналов). Регулярного сообщения со столицей не было. Пароходы стали ходить из Петербурга в Петрозаводск и обратно лишь в 1860 году.

За свое 13-месячное пребывание в губернии (с сентября 1784 г. по ноябрь 1785 г.) Державин открыл в Петрозаводске первую больницу, аптеку, народные училища, губернский архив, организовал почтовую службу. Он занимался переделом земель государственных крестьян, обеспечивал рекрутские наборы, надзирал за строительством новых домов для крестьян, устранял препятствия для работы олонцевских ремесленников, чье мастерство славилось по всей России. А также – разбирали многочисленные жалобы местного населения и расследовали злоупотребления чиновников Казенной палаты.

По заданию Императорской Академии наук составил топографическое и этнографическое описание края. Он объездил всю губернию, побывал в Пудеже, Повенце, Каргополе, Вытегре, Олонце, Лодейном Поле, на Белом море (где едва

не утонул) и у водопада Кивач. Путешествовать по губернии было очень сложно, так как «по чрезвычайно обширным болотам и тундрам, летним временем проезду нет, а ездят зимою, и то только гусем; в Кемь же только можно попасть из города Сум на судах, когда молебщики в мае и июне месяцах ездят для моления в Соловецкий монастырь, а в августе и прочие осенние месяцы, когда начинаются сильные противные погоды, никто добровольно, кроме рыбаков в рыбачьих лодках, не ездит».

Екатерина Яковлевна вела хозяйство и, по-видимому, занималась самообразованием. Писатель И.И. Дмитриев, знакомый семьи Державиных, вспоминал, что молодая женщина «...с пригожеством лица соединяла образованный ум и прекрасные качества души, так сказать, любовной и возвышенной. Она пленялась всем изящным и не могла скрывать отвращения своего ото всего низкого. Воспитание ее было самое обыкновенное, какое получали тогда в частных учебных заведениях, но она, при выходе в замужество, пристрастилась к лучшим сочинениям французской и отечественной словесности. В обществе друзей своего супруга она приобрела верный вкус о красотах и недостатках сочинения, получила основательные сведения о музыке и архитектуре. Кроме того, Екатерина Яковлевна была мастерица рисовать, была искусная рукодельница».

Однако Екатерине Яковлевне не удалось уберечь мужа от нового тяжелого конфликта, на этот раз с самим генерал-гу-

бернатором Т.И. Тутолминым. Тимофей Иванович Тутолмин, бывший офицер, служил в свое время губернатором в Твери и Екатеринославле.

Как отмечали современники, он был довольно образован, хотя несколько груб и ограничен во взглядах, при этом не лишен тщеславия. Державин вспоминает: «С первых дней наместник и губернатор дружны были, всякий день друг друга посещали, а особливо последний первого; хотя он во всех случаях оказывал почти несносную гордость и превозношение, но как это было не в должности, то и подлаживал его правитель губернии, сколько возмог и сколько личное уважение требовало. Но когда он прислал в губернское правление при своем предложении целую книгу законов, им написанных и императорскою властью не утвержденных... усомнился Державин принять те законы к исполнению, а для того пошел к нему в дом, взяв с собою печатный указ, состоявшийся в 1780 году, в котором воспрещалось наместникам ни на одну черту не прибавлять своих законов и исполнять в точности императорскою только властью изданные; ежели ж в новых каковых установлениях необходимая нужда окажется, то представлять Сенату, а он уже исходатайствует его священную волю». Тутолмин не мог не согласиться с такой постановкой вопроса, но понял, что спокойной жизни с таким губернатором не будет. Со своей стороны, раздраженный многочисленными беззакониями, которые творились в Олонецком крае с ведома генерал-губернатора, Державин вступил в

борьбу с ним.

Более всего были ненавистны Гавриилу Романовичу злоупотребления чиновников, которые чувствовали себя в отдаленной губернии «как у Христа за пазухой», и ничего не боялись. Для расследования взяточничества в городе Каргополе Гавриилу Романовичу пришлось послать туда «варяга» – стряпчего верхнего земского суда Бидберга, так как все местные власти, в том числе и судебные чиновники, оказались повязаны друг с другом и уличены в злоупотреблениях. Однако губернский прокурор Грейц запретил посылать стряпчего Бидберга в Каргополь, ссылаясь на обилие судебных дел в Петрозаводске. В ответ Державин пожаловался на Грейца за то, что тот «слабо исполнял свои обязанности», незаконно содержал более трех недель колодников, не допрашивая их, допускает волокиту в ведении дел. Конфликтные отношения сложились у Державина и с другим губернским прокурором по фамилии Солодосников – тот жаловался Тутолмину на то, что Державин рассматривает те дела, которые ведет прокурор. Державин этого не отрицал, но добавлял, что, просматривая копии дел, заметил неправильное применение статей закона и явную волокиту.

А впрочем, Державин вовсе не был мрачным занудой, и даже к наказаниям подходил весьма изобретательно. Например, в феврале 1785 года он узнал, что некий бургомистр Каратяев, служащий губернского магистрата, не отпускал мещанина И. Мартянова в Петербург на работы, связанные

со строительством Исаакиевского собора. Якобы, согласно предписанию магистрата, нельзя было выдавать паспортов на отлучку из губернии без согласия на то отцов заявителей. На самом деле такого предписания никогда не существовало, и Державин наложил на нерадивого бургомистра штраф и приказал «шесть месяцев в каждый субботний день магистратскому стряпчему читать ему высочайшия узаконения и толковать оныя, дабы поучение сие могло ему послужить на предбудущее время в спасительное средство избежать от вящшаго наказания за преступление законов и утеснение чело­битчиков».

Разумеется, такому человеку сложно найти себе друзей, как среди начальства, так и среди подчиненных. На Державина постоянно жаловались, не гнушаясь и клеветы, но он старался великодушно прощать своих обидчиков, ведь выбора у него, по сути, не осталось.

Закончилось это противостояние тем, что губернатор был вынужден... бежать из своей губернии. В ноябре 1785 года он уехал из Петрозаводска, якобы для того, чтобы осмотреть два уезда, и отправился в Петербург искать заступничества Сената и императрицы от обвинений Тутолмина. Державин, в свою очередь, обвинял Тутолмина во введении новых сборов по губернии, кумовстве, покровительстве проворовавшимся чиновникам. Он писал императрице, что только он один во всей Олонецкой губернии посмел противодействовать «самовластью» наместника, и жаловался, что четы-

ре месяца терпел стыд и унижение от самодура-начальника. Но его хлопоты остались тщетными, тяжба с Тутолминым затянулась. Уже спустя семь лет после отъезда Державина из Олонецкой губернии Тимофей Иванович в письме последнему фавориту императрицы Платону Зубову просил его содействия в споре с Гавриилом Романовичем и упоминал, что никогда и никто на него не жаловался прежде. В 1793 году Тутолмин получил звание сенатора, а позже – генерал-аншефа, управлял Минской, Изяславской, Волынской, Браславской и Подольской губерниями. Под суд он попал только при Павле I, провел полтора года в Петропавловской крепости, сумел доказать свою невиновность, получил обратно чины, ордена и конфискованные поместья, но от продолжения государственной службы отказался.

11

В 1786 году благодаря заступничеству А.А. Безбородко и А.Р. Воронцова Г.Р. Державин получает новое назначение – губернатором в Тамбов. Гавриил Романович стал пятым по счету губернатором Тамбовской губернии с момента открытия наместничества в 1779 году. В Тамбов семья Державиных перебралась в марте 1786 года. Дом, в который они въехали, был удобным и просторным. И даже с непосредственным начальством Гавриил Романович, кажется, поладил. Генерал-губернатор Тамбовской и Рязанской губерний Иван

Васильевич Гудович, отставной боевой офицер, оценил расторопность и энергию нового губернатора. Державину же, в свою очередь, нравилась в новом начальнике «умеренность в изъяснениях, предоставление должной власти наместническому правлению». Одним словом, у Гавриила Романовича были все поводы смотреть в будущее с оптимизмом. Его не насторожил тот факт, что в Тамбове за шесть лет уже сменились четыре губернатора.

Но работы предстояло много. Вот, краевед И.И. Дубасов пишет, что Тамбов второй половины XVIII века «...походил на большое черноземное село. Присутственные места развалились без ремонта, частные здания строились как попало... Почти все дома его крыты были соломой, а болотистые улицы выложены фашинником, изрыты ямами и пересечены сорными буграми... на главной улице весной и осенью протекал широкий тенистый ручей, на западных окраинах города стояли болота, поросшие лесом и кустарником, богатым дичью, на базарной площади расстиралось большое озеро, в котором в летнюю пору тамбовские обыватели купались».

Прибыв на место, Гавриил Романович развернул бурную деятельность: предпринял ряд мер для улучшения судоходства по рекам Цне, Воронежу и Хопру, наблюдал за регулярной застройкой улиц по эскизам, составленным для губернских городов под непосредственным контролем Екатерины II, каменным мощением улиц и их освещением.

Разумеется, Державин как «профессиональный правдоис-

катель» большое значение придавал «четвертой власти». Он открыл первую в городе типографию, поначалу лишь для удобства канцелярской работы. «Ежели усмотрю я выгоду, – писал он, – что дешевле один стан, нежели множество пустокормов подъячих содержать, я бы решился единственно для канцелярского дела производства завести здесь типографию». И тут же стал прикидывать и советоваться с друзьями, нельзя ли в этой типографии издавать книги и журналы. И, действительно, вскоре в Тамбовской типографии «довольное число печаталось книг, переведенных тамошним дворянством».

Затем начала выходить губернская газета «Тамбовские известия» – первая провинциальная газета в России. (Вторая такая газета начала выходить на родине Державина, в Казани, только в 1811 г.). В записках среди прочих своих заслуг он не без гордости упоминает «губернские ведомости о ценах хлеба, чем обуздывалось своевольство и злоупотребление провиантских комиссионеров, и о прочем к сведению обывателей нужном».

Первый номер «Тамбовских известий» открывался сообщениями о праздновании в Тамбове Нового года, прошедшей литургии, иллюминации города и состоявшемся в губернаторском доме представлении драмы «Взятие острова Святой Лукии» (День поминовения Святой Люции протестанты и католики отмечали 26 декабря по юлианскому календарю, он был связан с факельными шествиями и подго-

товкой к Рождеству). Позже здесь публиковались сенаторские указы, предписания наместнического правления, известия из разных городов и мест губернии, объявления о заседаниях городских дум и дворянского собрания, о прохождении воинских команд, об общегородских праздниках и чрезвычайных происшествиях. В газету подавали объявления о продаже и покупке, о поиске работников, а также сравнить цены на продукты в Тамбовской и соседних губерниях. Здесь публиковались сведения о торжественных обедах, ужинах и балах, спектаклях и концертах, о родившихся, сочетавшихся браком и умерших, списки приехавших в губернский центр и выехавших из него чиновников, а также стихи местных поэтов.

При деятельном участии нового губернатора в Тамбове открылось Первое народное училище. Тамбовские мещане не спешили послать туда своих детей, и Державину приходилось поручать полиции собирать школьников по домам. Так как дворяне также неохотно отдавали детей в «казенное училище», Державин организовал подобие частного пансиона прямо в губернаторском доме, давая возможность учителям заработать прибавку к своему жалованию. «Не только одни увеселения, но и самые классы для молодого юношества были учреждены поденно в доме губернатора, – писал он. – Таким образом, чтобы преподавать, учение дешевле стоило и способнее, и заманчивее было для молодых людей...». Здесь также могли учиться дворянские дочери, так как в городе

«считалось за непристойное брать уроки девицам в публичной школе. Дети и учителя были обласканы, довольствованы всякий раз чаем и всем нужным, что их чрезвычайно утешало и ободряло соревнованием друг против друга». Позже Державин открыл малые народные училища в уездных городах Лебедяни, Козлове, Елатье, так же открыли класс итальянского пения на радость тамбовским купцам, ценителям красивого пения в церквях.

По вечерам Гавриил Романович и Екатерина Яковлевна устраивали балы и праздники для тамбовской молодежи. «Но они не токмо служили к одному увеселению, – вспоминает Державин, – но и к образованию общества, а особливо дворянства, которое, можно сказать, так было грубо и необходимо, что ни одеться, ни войти, ни обращаться, как должно благородному человеку, не умели, или редкие из них, которые жили только в столицах». Державины специально выписали из Петербурга танцмейстера и открыли в своем доме танцевальный класс.

А еще в доме губернатора вскоре организовали небольшой театр, «на котором, – пишет в мемуарах Державин, – юноши и девицы представляли разные нравоучительные драмы и комедии». Тексты представлений зачастую сочинял сам Гавриил Романович. А Екатерина Яковлевна помогала организации представлений. Она организовала «актерские курсы», некоторые выпускницы которых позже стали профессиональными актрисами, а одна из воспитанниц губерна-

торши – Мария Орлова-Маслова – уже после отъезда Державиных из Тамбова сама ставила пьесы в Тамбовском театре.

«Сие все было дело губернаторши, которая была как в обращении, так и во всем в том великая искусница и сама их обучала. Сие делало всякий день людство в доме губернатора и так привязало к губернаторше все общество, а особливо детей, что они почитали за чрезвычайное себе наказание, ежели когда кого из них не возьмут родители к губернатору», – рассказывает гордый муж в своих «Записках».

28 июня 1786 года в доме Державина был дан спектакль в честь восшествия на престол Екатерины II, который посетил генерал-губернатор Иван Васильевич Гудович. В честь праздника поставлена пьеса-аллегория, сочиненная самим Державиным. Гудовичу постановка понравилась, и он поручил Державину построить в городе постоянный театр и нанять профессиональную труппу.

Первые театральные представления состоялись в конце 1786 года. В репертуаре театра входили пьесы русских драматургов («Недоросль» Д.И. Фонвизина, трагедии А.П. Сумарокова), французские оперы и комедии. Ставил Державин также собственные сочинения, как прежде, соединяя по своему обыкновению панегирики с едкой сатирой, бичуя:

*Обманищиков, лжецов, ханжей и пустословов,
Хулителей, льстецов, язвителей, злословов,
Кокеток, игроков, неправедных судей,
И в прозе, и в стихах безграмотных вралей,*

*Безмозглых стихотворцев,
Бесчестных крючкотворцев,
Кащеев, гордецов,
И пьяниц, и мотов,
Господ немилосердных...*

И превознося тех:

*Кто будет нравами благими удивлять,
Себе и обществу окажется полезен —
Будь барин, будь слуга, но будет мне любезен.*

Но при такой бурной деятельности конфликты неизбежны. Уже в мае 1786 года епископ Феодосий, как раз строивший свою резиденцию в Тамбове, сообщал в письме к Гудовичу, что желал бы занять весь городской квартал, в котором находилась резиденция с садами и огородами. Гудович согласился и дал распоряжение Державину. Но тот ответил, что эта земля принадлежит городу и отнимать ее у горожан никто не имеет права, и предложил предоставить епископу другое место. Епископ возражал, доказывая, что горожане самовольно стали строиться на территории, примыкавшей к его резиденции, и теперь он опасается пожара. Неизвестно, чем бы закончилась эта история, если бы епископ не умер в декабре того же года. Но Гудович понял, что новый, слишком активный и принципиальный губернатор может вовлечь в неприятности не только себя, но и его.

Затем Державин попытался вывести на чистую воду купца Бородина, беззастенчиво присваивающего казенные деньги. Бородин пользовался покровительством Гудовича, и тот в споре встал не на его сторону. Державин составил доклад о мошенничестве Бородина и подал его в Сенат летом 1788 года, но Гудович в ответ тоже обвинил Державина и наместническое правление – они-де проявили пассивность и не смогли расследовать это дело вовремя.

В ноябре 1786 года по поручению Гудовича Державин организовал закупку и поставку хлеба в столицу. На казенные деньги в сумме 100 000 рублей, присланные от Санкт-Петербургского вице-губернатора Н.Н. Новосильцева, Державин приобрел 25 тысяч четвертей хлеба (сэкономив при этом 29 255 руб.) и поручил купцу Наставину с товарищами доставить его в столицу водным путем. Для охраны хлеба он снарядил вместе с купцами военный конвой. Но путешествие было не из легких: судно несколько раз ломалось, часть хлеба утонула, часть оказалась подмочена, его пришлось сушить и пересыпать. В итоге караван остановился в Твери, и купцы попросту распродали оставшийся хлеб, так и не довезя его до Петербурга. В срыве поставок и убытках обвинили Державина, на его имение наложили арест. В донесении Сенату Гавриил Романович сообщал, что эту аферу подстроили недоброжелатели в отместку за то, что он ранее донес в Сенат о хищениях казенных денег. Разбирательство продолжалось в Гражданской палате Тамбовского суда до 1794 года.

Державину пришлось ехать в Петербург и «хлопотать». Так он спас свое имение от ареста, но это стоило семье много времени, денег и нервов. Гудович потребовал у Державина, чтобы «все известия, какие печататься будут, доставлялись бы впредь ко мне в копиях для сведения», а вскоре газета и вовсе была закрыта.

Тем временем Россия вступила в войну с Турцией, где впервые блеснул гений Суворова. Казалось бы, Тамбов отделиют от театра военных действий тысячи миль, но война состоит не только из осад, атак и побед, но и из поставок армии обмундирования и продовольствия.

В 1788 году главнокомандующий Потемкин потребовал от губернских властей, чтобы изыскать деньги для оплаты закупленного хлеба для действующей армии. Державин, выслушав заявление казначеев о нехватке денег в губернской казне, хотел обратиться к генерал-губернатору и председателю Казенной палаты, но их не оказалось на месте. Тогда Гавриил Романович, не дожидаясь возвращения начальства, начал сам проводить ревизию губернской Казенной палаты. И не только нашел достаточно средств для закупки, но и вскрыл многочисленные злоупотребления и хищения государственных денег на «знатную сумму». В апреле 1788 года он доложил в Сенат, что «открыты были в содержании казны беспорядки, упущения, утайки и самые похищения казны». Приходно-расходные книги велись без шнура, печатей и подписей, они пестрели исправлениями и подчистками, ка-

зенные деньги хранились в помещениях без замка и охраны, их могли выдавать частным лицам без расписок. Общая сумма хищений казенных денег, по подсчетам Державина, составила почти 400 000 рублей.

Однако Гудович был не только опытным военным, знающим как вести боевые действия, но и опытным чиновником. Ему удалось очиститься от обвинений. Он объявил, что деньги, которые Державин посчитал украденными, просто не записали вовремя в расходную книгу, и обвинил во всем губернского и уездного казначеев. Суд счел, что злого умысла в действиях казначеев нет, а были лишь «упущения», и оштрафовал... на полкопейки. Державин пытался обжаловать это решение у самой императрицы, но его жалоба осталась без ответа. В итоге Державина обвинили в превышении власти и неуважении к генерал-губернатору. Избежать судебного преследования ему удалось только благодаря заступничеству Потемкина. Но место Гавриил Романович, разумеется, потерял.

Екатерина Яковлевна вовсе не была «ангелом кротости и всепрощения». Она уже знала себе цену, знала цену своему мужу и не стеснялась встать на его защиту. Так первый биограф Державина, В.Я. Грот, рассказывает об одном эпизоде «тамбовский эпопеи»: «В мае месяце (1788 г.) Катерина Яковлевна, принимавшая, как известно, самое горячее участие в делах и отношениях своего мужа, имела в чужом доме прискорбное столкновение с другою дамой, которое оконча-

тельно испортило положение Гаврилы Романовича в Тамбове». Пленира даже то ли задела, то ли ударила свою оппонентку веером, что усилило скандальность ситуации, и спустя без малого 75 лет тамбовские жительницы все еще весьма страстно рассказывали об этом столкновении Гроту.

Осталось лишь утешать себя стихами.

*Меня ж ничто вредить не может:
Я злобу твердостью сотру,
Врагов моих червь кости сгложет,
А я пшит – и не умру.*

12

Екатерина Яковлевна стала не только соратницей, но и ангелом хранителем, для этого не самого простого в общении человека: одновременно бескомпромиссного идеалиста, едкого критика, неутомимого правдоискателя, и весьма тщеславного поэта – убийственное сочетание. Хотя ей не всегда удавалось спасти мужа от очередного падения с «колеса Фортуны», но она, как могла, смягчала удар и поддерживала в новых попытках справиться с судьбой.

Однако места для Державина снова нет, сильные мира сего хоть и ласкают его, но не говорят ничего определенного. В этих, по словам самого Державина, «мудреных обстоятель-

ствах» он и решает купить усадьбу на Фонтанке. Она была приобретена 31 июля 1791 года на имя Екатерины Яковлевны. Поскольку большой каменный дом на момент покупки не имел еще не только внутренней отделки, но даже междуэтажных перекрытий и самой крыши, жить Державиным поначалу пришлось в другом деревянном доме, стоявшем на противоположном конце участка. Работами по строительству каменного дома, по всей видимости, руководил друг Державина – талантливый архитектор и поэт Николай Александрович Львов.

Хозяйственная Екатерина Яковлевна тут же завела «Книгу об издержках денежных для каменного дома с августа 1791 года», куда заносила все многочисленные расходы на строительство двух флигелей «кухонного» и «конюшенного», на то, чтобы провести по участку дренажные трубы, выровнять, засыпать песком и облицевать плиткой парадный двор, а также «защепенить мостовую», выстроить деревянные сараи, ледники и коровник, купить 9000 кирпичей и сложить в доме «израцатые печи», 591 рубль на оконные стекла и так далее, и так далее. «Катерина Яковлевна в превеликих хлопотах о строении дома, который мы купили», – пишет Державин Капнисту 7 августа 1791 года. Самой же Екатерине Яковлевне он посвятил известное нам с детства стихотворение «Ласточка».

О домовитая ласточка!

*О милосизая птичка!
Грудь красно-бела, касаточка,
Летняя гостья, певичка!
Ты часто по кровлям щебечешь,
Над гнездышком сидя, поешь,
Крыльышками движешь, трепещешь,
Колокольчиком в горлышке бьешь.*

Екатерина Яковлевна входит буквально во все мелочи. Она аккуратно записывает в своем журнале, что заплатила 1 рубль священнику за молебен при закладке, на вино для угощения рабочим было потрачено 30 копеек, а на то, чтобы «посеребрить артели», 2 рубля, и это не крохоборство – дом «пожирает» огромные суммы, и Державиным опять не хватает денег.

Достройка каменного дома занимает приблизительно два года. И за эти два года в положении Державина происходят значительные перемены.

13

Три года Гавриил Романович мыкался по двум столицам, пытаясь очиститься от обвинений. Казалось, он так и утонет в судебной волоките. Но в 1791 году Фелица вновь вспомнила о своем верном мурзе. Но это происходит отнюдь не по мановению волшебной палочки, и Державин честно рассказывает в мемуарах, как, помыкавшись без места, без долж-

ности и без жалования, обратился к новому фавориту императрицы – Платону Зубову, преподнес ему оду «Изображение Фелицы», «и к 22-му числу сентября, то есть ко дню коронавания императрицы, передал чрез Эмина, который в Олонецкой губернии был при нем экзекутором и был как-то Зубову знаком. Государыня, прочетши оную, приказала любимцу своему на другой день пригласить автора к нему ужинать и всегда принимать его в свою беседу».хлопотала за него и княгиня Дашкова, но поскольку ее положение при Дворе было весьма шатко (и тоже из-за неуживчивого характера), то она скорее навредила, чем помогла своему протеже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.